

Лит. Россия, 1948, Чав.

ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

К 80-летию со дня рождения В. И. Лебедева-Кумача

НАМ некогда бывает разглядеть людей, задержаться, чтобы полюбоваться на них, а люди стоят того». Это одна из записей Василия Ивановича Лебедева-Кумача, сделанная им, как и десятки других таких же, на случайно подвернувшейся под руку бумаге — постоянных дневников он не вел. Писать о себе не любил, рассказывать тоже.

Мне эта запись кажется отчасти автобиографичной. Говорят, что жизнь поэта в его стихах. Это верно, но, по моему, недостаточно и не для всех применимо. Стихи Лебедева-Кумача, ставшие песнями, известны, видимо, каждому. Они — от шуточной «Капитан, капитан, улынитесь...» до тех, что стали символом времени («Широка страна моя родная...», «Вставай, страна огромная...» и т. д.) — звучат и поныне. Они действительно выразили эпоху, ее энтузиазм, оптимизм и непримиримость — за что и были повсеместно любимы. Но отразили ли они полностью судьбу своего создателя?

...С дочерью поэта Мариной Васильевной мы сидим в кабинете Лебедева-Кумача, рассматриваем фотографии, афиши, документы. Многие из них не датированы, но по тому, как пожелтела и истерлась на краях и сгибах бумага, по шрифтам и редко употребляемым ныне словам, можно определить время. Вот продолговатый листок — просьба «откомандировать В. И. Лебедева в распоряжение» студии, которой руководил великий актер Михаил Чехов. Внизу факсимиле «Поддерживаю. Нарком» и личная подпись А. В. Луначарского. А вот и афиша — в постановке студийцев «Пьяный винокур» по рассказу Л. Н. Толстого и «Шемякин суд». Ныне уже трудно сказать, кого играл молодой Лебедев-Кумач, но играл, вероятно, неплохо, ведь М. Чехов был требовательный наставник, и то, что будущий поэт четыре года занимался под его руководством, говорит о многом. «Он всю жизнь сожалел, — добавляет Марина Васильевна, — что не стал актером, что судьба сложилась иначе».

Всю жизнь Лебедев-Кумач был связан со сценой, ареной, астрадой и экраном. Писал куплеты к опереттам Легара, «текст рапсодий на советские темы» для утесовского джаза, репризы для известных клоунов — отца и сына Лазаренко, для Румянцев. А вот еще афиша: «Театр обозрение», представление «Вопрос ребром», текст и постановка Лебедева-Кумача, музыка Листова, среди участников Рина Зеленая, Л. Миров, Б. Тенин, «у рояля свободный художник Стучевский» (впоследствии известный аккомпаниатор,

В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ и Д. ПОКРАСС. 1939 г.

сопровождая выступление солистов Большого театра). Он сожалел, что не стал актером, и тем не менее ни разу не захотел сыграть хоть в маленьком эпизоде. Ведь предложил он себя на роль, ему бы не отказали — он был дружен с многими артистами и режиссерами.

Из глубин внушительного книжного шкафа Марина Васильевна извлекает большой альбом — это рукописный журнал «Кол», который еще до революции выпускали гимназисты — однокашники Василия Ивановича. А вот и его подпись под портретом Рихарда Вагнера, шаржами на Алексея Толстого и Леонида Андреева, под динамичным рисунком «Футболисты» (кстати, он и сам играл в эту, тогда еще не столь популярную игру). Чувствуется, что сделаны они уверенной, хотя, конечно, и ученической рукой. И как-то даже странно, что, кроме еще двух-трех рисунков и нескольких набросков на полях рукописей, из «графического наследия» Лебедева-Кумача ничего не сохранилось. «Рисовал он постоянно, — говорит Марина Васильевна, — обычно на папиросных коробках, чаще всего затейливый, но четкий орнамент, иногда профиль знакомого, умышленно шаржируя какую-либо черту лица. А потом, конечно, выбрасывал». Странно, что, дружа с известными худож-

никами — Черемныхом, Моором, он не пытался продемонстрировать им свое владение карандашом, не пытался услышать приятельский отзыв. Не стремился сам проиллюстрировать, например, сборники собственных сатирических или детских стихотворений. А может, потому и не хотел показывать профессионалам свои любительские упражнения, что был слишком хорошо знаком с трудом художников еще по работе в «Крокодиле», что был слишком придирчив к каждому своему произведению.

Не потому ли лишь однажды, почти тридцать лет назад опубликовал он небольшую подборку своих лирических восьмистиший, снабдив их как бы извинительным заголовком «Из забытых тетрадей».

ли песни и сатирические стихи. И все-таки хочется познакомить читателей хоть с отрывком из поэмы. Ну, допустим, вот с этим эпизодом, где описан пир главных героев (Джека, Жука и Васки) у Медведя (Мишки):

Сел важно под дубком
Джек с радужным Мишкой,
Съели хлебушка с медком
И клубники с пышкой.
Два часа о том, о сем
За медком болтали,
Подошли Хорек с Грачом,
Угощаться стали.
Дятел с клена съехал вниз,
Сел и Волк Злодеш,
Сел к жаркому

старый Лис —
Хитрый Патрикеш.
Жук отпетый прилетел
Вместе с Васькой другом,
Возле Жука Заяц сел
Скромно и с испугом.

Да, Лебедев-Кумач многое сдерживал в себе, но зато в той области, где считал себя компетентным, без скидок, без оговорок — в гражданской поэзии, — он работал профессионально. Профессионально — значит, что в основе его песен не только поэтическое наитие, не только вдохновенный порыв, но и глубокое знание фольклора, глубокая осведомленность в законах народного песенного творчества. Мне кажется, в этом один из секретов необыкновенной популярности песен Лебедева-Кумача. В его библиотеке среди редких книг и такие: «Четыре песенных колядки», «Песни забайкальских старообрядцев», «Об ильменских свадьбах», «Свадебные песни, записанные в Верхотурском уезде Иркутской губернии», сборники частушек: архангельских, вологодских, вятских, пермских, костромских, псковских, новгородских, тверских, ярославских — в общем, со всей Руси. Он не скрывал, что учится у них, как не скрывал, что испытывает влияние Некрасова и Беранже, что знает и любит городскую романсу. «Обычно, сочинив стихи для песни, к которой еще не было музыки, — рассказывает Марина Васильевна, — он пел их на разные мотивы, чаще всего народные, проверяя, как строки сочетаются с мелодией. А еще любил сказки. Достанет какие-нибудь редкие в то время осетинские или сказки Северного края и говорит: смотри, как это великолепно, какая здесь простота и мудрость». Профессионально для поэта, посвятившего себя гражданской лирике, — это и бесконечные повоздки, встречи, выступления, заседания, то есть то, что принято называть общественной деятельностью. Это и обязанность депутата Верховного Совета РСФСР и Моссовета, и работа спецкора в армейских газетах во время войны.

В одном из писем, адресованных дочери, есть строки, по моему, объясняющие, почему из всех способностей этого человека в памяти потомков осталась лишь одна грань его дарования — талант поэта-песенника. И почему эта единственная грань получила такое признание. «...хочется, если уж написать хотя бы маленькую вещь, так уж сделать это как следует, чтобы не стыдно было и самому прочесть и другим показать». Лебедев-Кумач, уже 80-летие мы ныне отмечаем, мог оставить заметный след и в театре, и в графике, и в филологии, которую отлично знал и любил, но избрал гражданскую лирику, избрал песенное творчество и посвятил себя им целиком.

Евг. СЕРГЕЕВ

Я с другими и сильный,
и взрослый,
Пред тобой, как ребенок,
стою
Ты сумела тихонько
и просто
Покорить себе силу мою.
Побеждавший врага
в поединке,
Закаленный в труде и
в борьбе, —
Я с костюма сдувал все
пылинки.
Отправляясь сегодня к тебе.
Твой шаг, твой взгляд,
твой смех,
твой голос,
Твои духи и болтовня,
Твой каждый выбившийся
волос
Нужны, как воздух
для меня.
А тех пор, как в жизнь мою
вошла ты,
Зернулись детские мечты,
Шаги — легки,
стихи — крылаты,
И всюду свет, и всюду ты.

Он не считал себя лириком, и потому, видимо, его интимные строки оставались в «забытых тетрадях», как оставалась там и детская поэма о приключениях собаки Джека. Он находил ее недостаточно отшлифованной, а доделать, довести до уровня все было некогда — время отнима-